

Глава 671: Друг

«Какой шанс?»

«Шанс для тебя отказаться от бессмысленных и пустых навязчивых идей, не давать всем причин убивать тебя. Тогда ты сможешь остаться в Ортодоксальной Академии, остаться в столице и помогать Его Величеству».

«Я не понимаю».

«Демоническая Императрица говорила верно в ту ночь. С теми принцами лучше не шутить, а клан Тяньхай не всегда будет вести себя так хорошо. Сможет ли Его Величество стабильно сидеть на троне или нет, всегда было проблемой».

«Разве вы не доверяете Учителю?»

«Преданность Директора Шана не требует доказательств, но я не буду против, его Его Величество сможет получить еще больше поддержки».

У Чэнь Чаншэна было грубое понимание намерений Евнуха Линя.

Возможно, это действительно был шанс для него и Ортодоксальной Академии, но он ничего не сказал.

Евнух Линь дал ему наставление: «Получить указ, передать тело Тяньхай, сделать свою позицию известной целому миру, остаться на стороне Его Величества».

Чэнь Чаншэн спросил после долгого периода тишины: «Почему я должен делать это?»

Евнух Линь ответил: «Потому что Его Величество требует твою помощь».

После еще более долгой тишины Чэнь Чаншэн спросил: «Почему я должен помогать ему?»

Лицо Евнуха Линя постепенно охладело: «Только таким образом ты сможешь поднять бремя привязанности между товарищами, добродетельность между правителем и министром».

«Привязанность между товарищами... конечно же, остается это».

Чэнь Чаншэн встал и положил правую руку на подоконник, глядя на то, как пейзажи за окном постепенно становятся угрюмыми. Он весьма медленно спросил: «Но что такое добродетельность между правителем и министром?»

Евнух Линь строго сказал: «Как человек Великой Чжоу, ты смеешь говорить, что не желаешь считать себя министром?»

«Даже если я хочу стать министром, когда Старший Брат захотел быть монархом?»

Он покачал головой, продолжая: «И мой Старший Брат знает, как относиться к людям, но откуда ему знать, как лечить болезни страны?»

Евнух Линь осознал, что юноша понял что-то, и его голос стал невероятно холодным:

«Демоническая Императрица - не твоя мать. Ты не более, чем шахматная фигура, так что будет лучше, если ты немного проснешься. Не думай, что просто потому, что она спасла тебя на пике Мавзолея Книг, у нее есть какие-то глубокие чувства к тебе, что ты должен защищать ее

могилу из какого-то сыновнего благочестия».

Чэнь Чаншэн ответил: «На шахматной доске фигуры разделяются на черные и красные. Если я - шахматная фигура Императрицы, как я могу стать шахматной фигурой вашей стороны?»

Весь мир знал, что он был шахматной фигурой, фруктом, который много лет взращивали те, кто противостоял Тяньхай.

Хотя Божественная Императрица Тяньхай не убила и не съела его, этот фрукт все еще успешно отравил ее тело.

Это, вероятно, то, что подразумевалось под судьбой или Небесным Дао, загадочным и непобедимым.

Так как он был шахматной фигурой его учителя, он, естественно, не был шахматной фигурой Божественной Императрицы, так что не требовались тщательные расследования.

Это было то, что он осознавал и над чем раздумывал эти три дня.

«Так ты считаешь, что она - хороший человек, и чувствуешь грусть за ее уход, и поэтому отказываешься принимать указ? Или ты говоришь, что слишком много людей погибло в столице в эти три дня, и это идет против твоих принципов? Не забывай, слова 'способная и благочестивая' или 'великодушная и праведная' никогда не касались ее. Если бы она была тем, кто выиграл бы в этот раз, то еще больше людей погибло бы в столице».

Евнух Линь говорил это, глядя на юношу со строгим выражением лица.

«Это очевидно, что Божественная Императрица - не какой-то хороший человек. На вершине Мавзолея Книг она спасла меня только потому, что хотела спасти меня в тот миг».

Чэнь Чаншэн постепенно направил свой взгляд вверх, в конечном итоге направляя его на тот еле видимый мавзолей вдаль. Он продолжил после паузы: «Я не собираюсь обманывать себя, думая, что эти действия - символ любви между матерью и сыном или какая-то другая большая доброта... но, в конце концов, она спасла меня, и в тот миг я мог чувствовать, что ее доброта была настоящей».

В это время он был спокойным, но одиноким. Было редким зрелищем видеть эти две эмоции, одновременно появляющиеся на фигуре юноши.

После очень долгого времени он отвел свой взгляд и опустил голову: «Вы должны отчетливо осознавать, что я теперь не верю ни одному человеку».

Ни один человек, испытавший всё, что он испытал, не станет доверять этому миру.

«Ты можешь верить в меня, как и многие другие», - сказал Евнух Линь, глядя на его спину.

В Деревне Синин Чэнь Чаншэн, естественно, не слышал слухи об этом старом евнухе, но после прибытия в столицу он более не жил такой уединенной жизнью. Он тоже слышал историю об этом человеке.

В глазах обычных людей Евнух Линь был героем, который больше всего ценил дружеские узы, был преданным ученым государства, благородным мужем высшей честности.

В то время, когда Император Тайцзун не мог выбрать наследника, Имперский Дворец был

невероятно опасным местом. Как приемный брат Императора Сяня, он твердо решил кастрировать себя и вошел во дворец, чтобы стать евнухом ради защиты Императора Сяня. Впоследствии, когда болезнь Императора Сяня ухудшилась и Божественная Императрица начала управлять империей, ради Династии Великой Чжоу и обычных людей он в тишине страдал, живя во дворце до смерти Императора Сяня.

Евнух Линь сделал многие подобные вещи за свою жизнь. Вся его жизнь была легендой, приближающейся к идеалу.

Сегодня он прибыл в Ортодоксальную Академию с указом. Ради Династии Великой Чжоу, ради обычных людей, ради Его Величества, он желал взять Чэнь Чаншэна под контроль.

Для того, чтобы контролировать Чэнь Чаншэна, Евнух Линь сперва должен был убедить Чэнь Чаншэна. В этом мире всегда были кое-какие вещи, достойные доверия, даже достойные того, чтобы бороться за них.

Как продолжительное существование Династии Великой Чжоу на одну тысячу лет, как яркое будущее человечества, как высшая слава Имперского клана Чэнь, как имперский трон Его Величества.

В библиотеке было очень тихо.

«Я не доверяю вам».

Не было раздумий или колебаний. Ответ Чэнь Чаншэна был очень прямым и твердым.

С его точки зрения эти понятия, называемые праведным умыслом и преданностью, вовсе не имели пользы.

Евнух Линь сузил глаза и спросил: «Почему?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Потому что ранее вы использовали наших родственников, чтобы угрожать нам».

Евнух Линь невыразительно ответил: «Я использовал жизни их родственников, чтобы открыть врата Ортодоксальной Академии. Не было ни резни, ни смертей; разве это не лучший результат?»

Чэнь Чаншэн спросил: «Ради достижений вашей цели не важно, какие методы вы используете?»

«Да, если не забыть в процессе, какими были изначальные намерения».

Евнух Линь гордо заявил: «Я использую всю мою жизнь, как доказательство, что я совершил это».

Чэнь Чаншэн более не продолжал обсуждать эту тему. Он спросил: «Если я твердо буду отвергать указ, что произойдет?»

«Директор Шан во Дворце Ли сказал мне, что эта академия - слишком маленькая. Если ее уничтожить, не будет сложно отстроить ее вновь».

Голос Евнуха Линя стал возвышенным, как у бессмертного, а также подобным плачу призрака из Загробного Мира.

«Так это ваши изначальные намерения».

Чэнь Чаншэн сделал паузу, а затем подметил: «Очень жаль, что один из моих друзей не здесь».

Евнух Линь спросил: «Даже если бы этот твой друг был здесь, что бы он смог изменить?»

Чэнь Чаншэн покачал головой, говоря: «Конечно, он не смог бы ничего изменить, но я не очень хорош в разговорах. Если бы он был тут, он смог бы более отчетливо говорить за меня».

Евнух Линь спросил: «Если бы твой друг был тут, что бы он сказал?»

Чэнь Чаншэн молчал в течение очень долгого времени, представляя, что его друг, вероятно, сказал бы, если бы столкнулся с такой ситуацией.

Впоследствии он повернулся и посмотрел в глаза Евнуха Линя.

«В прошлые несколько лет принцы клана Чэнь в провинциях и графствах действовали деспотично, терроризируя обычных людей, но вы сказали что-то об этом?»

«Божественная Императрица использовала Чжоу Туна, Чэн Цзюня и других злых министров, и, естественно, не была хорошим человеком. Теперь ваша сторона тоже использует Чжоу Туна, и будет использовать его вновь, так как можно вашу сторону считать хорошими людьми?»

«В тот год, ради того, чтоб тешить себя ложью о наслаждении пожертвовать собою во имя справедливости, вы кастрировали себя и вошли во дворец. Думали ли вы когда-нибудь, что могут подумать ваши родители? Что подумал Его Величество?»

Евнух Линь внезапно помрачнел, закричав: «Я и Его Величество...»

Не дожидаясь, когда он закончит, Чэнь Чаншэн продолжил: «Его Величество любил вас, как брата, но вы только хотели быть министром или рабом, заставляя Его Величество быть еще более одиноким и горестным. Где же здесь любовь?»

Евнух Линь в ярости заорал: «Мы с самого начала были правителем и министром, так что, естественно, правитель и министр...»

Чэнь Чаншэн все еще не дал ему закончить, спокойно и твердо продолжая:

«Меня не волнует, как вы относились к своим отношениям с Императором Сянем, но это определенно не будут отношения между мной и Старшим Братом».

«Старший Брат не желает считать себя правителем, так что я, естественно, не могу считать себя министром».

«Более того, я всегда был будущим Попом, а не министром».

.....

.....

.....

.....

Евнух Линь улыбнулся в ярости, насмехаясь: «Ты все еще думаешь, что ты - будущий Поп? Действительно невероятно смешно».

«Если бы тот мой друг все еще был здесь, он бы определенно сказал... это не то, что у тебя есть право спрашивать, ты еще что за чушь?»

Голос Чэнь Чаншэна все еще был спокойным, без осмеяния. Это было механическое повторение, имитация.

Включая то время, когда он говорил о 'право' и 'что за чушь'.

Он изучал способ речи своего друга.

Когда такой стиль речи использовать вместе с таким самообладанием, он нес разрушительную силу, которая превосходила воображение.

Это было подобно тем словам, которые его друг сказал три года назад в Таверне Сливового Сада.

Дыхание Евнуха Линя стало немного хриплым.

В настоящее время у многих людей участилось дыхание. Черная кавалерия снаружи Ортодоксальной Академии планировала совершить рывок. Те боевые кони в тяжелой броне тоже задышали более тяжело.

Вскоре после этого, возможно, потому что он превзошел ярость, Евнух Линь стал намного более спокойным.

Он посмотрел на Чэнь Чаншэна и невыразительно сказал: «Я смотрю на тебя с важностью из-за твоего статуса в Ортодоксии и маленького имени, которые ты сделал себе за эти три года, а не из-за твоей личности. Ты думаешь, что горстка таких детей, как ты, сможет обратить импульс человеческого мира, сопротивляться поднимающейся волне Небесного Дао? Нет, ты просто вызовешь смерть многих людей из-за твоего глупого решения».

Чэнь Чаншэн спросил: «И эта невинная кровь никогда не запятнает ваши руки и вы всегда будете оставаться чистым, верно?»

Евнух Линь гордо заявил: «Потому что праведность у меня под рукой».

Чэнь Чаншэн подумал о том, как три года назад, во время Фестиваля Плюща, те люди, которые хотели, чтобы Сюй Южун вышла замуж за Цюшань Цзюня, ради праведности просили его аннулировать с ней помолвку.

Он сказал: «Я ошибался».

Евнух Линь безразлично подметил: «Уже слишком поздно признавать свои ошибки».

Чэнь Чаншэн покачал головой: «Я говорю, что если бы мой друг был здесь, он бы не стал говорить все эти слова, которые я только что сказал вам».

Выгнув брови, Евнух Линь спросил: «Вот как?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Он, вероятно, просто сказал бы три слова».

Глаза Евнуха Линя сузились, и он плоско сказал: «Какие три слова».

Чэнь Чаншэн ответил: «*** твою мать!».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/192501>